

АСЯ МИХЕЕВА

Тара

ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ

Ася Михеева

Тара. Повесть и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21199457

ISBN 9785448318641

Аннотация

Перед вами история о том, как люди делают «место, где мы живем» – Родиной, ради которой трудятся, за которую готовы сражаться, куда стремятся вернуться, что бы ни случилось. Номинации на премии: Мраморный фавн, 2006 (Повесть); Портал, 2007 (Средняя форма).

Содержание

Тара	5
0:1. Попутка	5
0:2. Тирнаног	16
Архив-1. Удобный код	26
Архив-2. Материться по-гэльски	36
Архив-3. Похищение платинового быка	47
Архив-4. Неосторожное обращение с мифами	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Тара

Повесть и рассказы

Ася Михеева

© Ася Михеева, 2016

© Юлия Меньшикова, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-1864-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тара

*Thousands are sailing
Again across the ocean
Where the hand of opportunity
Draws tickets in a lottery
Postcards we're mailing
Of sky-blue skies and oceans
From rooms the daylight never sees
Where lights don't glow on Christmas trees
But we dance to the music
And we dance*

*The Pogues «Thousands are sailing»
(By Phillip Chevron (1988))*

0:1. Попутка

Вокзал всегда остается вокзалом, какой бы транспорт с него не отправлялся. На второй неделе ожидания окончательно начинаешь воспринимать проходящих мимо как монотонный видеоряд. Поэтому самые комфортные места на любом вокзале – возле окон.

Илья с комфортом сидел за любимившимся столиком, грыз местные орешки и строил пробные схемки, когда вок-

зальный браслет подмигнул и запиликал.

– По заявке от двенадцать-семнадцать-пятьдесят пять получен ответ. Принять устно, текст, отклонить?

– Принять, принять, – обрадовался Илья, – устно и текстом.

– Устный прием предлагается немедленно за столиком тридцать два-Б. Текстовое сообщение пересылается.

Илья засунул комм-тетрадь в карман и двинулся на поиски столика тридцать два – Б.

Третий этаж, второй зал, второй стол направо. Вон они, трое здоровенных амбалов. Илья извинился, протискиваясь к ним мимо стоящего у самого входа столика 32-А и вдруг на миг остановился. Девушка в рабочем комбинезоне, сидящая в обществе комм-тетради и большого бокала, подняла глаза и смотрела на Илью в упор. Спокойный взгляд. Оценивающий.

У нее красивый рот. Ямочки в углах губ, которые станут заметнее, если она улыбнется. Илья помедлил секунду, ожидая увидеть улыбку – людям, столкнувшимся взглядом, следует улыбнуться – ничего не дождался, кроме еще более внимательного разглядывания. Обидно.

Однако тридцать два-Б. Тридцать два-Б. Илья критически осмотрел возможные пути к столику Б, едва не застрял между двумя стульями и вежливо приветствовал своих вероятных перевозчиков. Амбалы дружно кивнули, молча рассматривая его, наконец средний предложил:

– Садись.

Илья сел.

– Ты заказывал попутный проезд в семьдесят третью область?

Илья кивнул.

– Чем отработаешь? – поинтересовался другой амбал.

– Помощь по хозяйству и две тысячи айланских. Диагностика и уход за корабельной флорой. Нейтрализация любых вредителей.

Амбалы переглянулись, один кивнул.

– Айланец, значит. Что ж, неплохо. А какие дела в семьдесят третьей?

– Я не айланец, – Илья помедлил, – я тариен.

Здоровяки переглянулись вторично.

– А обманывать нехорошо, мальчик, – сказал третий, который до сих пор молчал, – выговор у тебя айланский – это раз. И молод ты для тариена – это два. Пожалуй, не получится у нас с тобой поездочка.

– Меня эвакуировали двухмесячным, – ответил Илья, – а на Айле живу с четырех лет.

– А звать тебя как?

– Илья Маккензи.

Третий амбал улыбнулся.

– Сколько единиц-то получил, Маккензи?

Илья пожал плечами

– Сорок. Совсем маленьких ведь в первые же часы на ор-

биту вывезли.

– Это Тара, – печально сказал амбал, – на Оркнее вот потерялись...

Точно. Оркнейские дельфинеры все такие здоровенные... были.

Илья подумал и не стал ничего отвечать.

– А зачем едешь-то?

– Я биореставратор.

Дельфинеры задвигались. Стул под одним из них жалобно скрипнул.

– Джейм! – сказал ближайший, повернувшись к девушке, – бери его. Если он тебе не понравился, мы вернемся, отвезем его сами.

Девушка стащила с головы совершенно невозможную кепку и бросила перед собой на стол.

– Понравился-понравился. А что так серьезно?...

– Ты не поймешь, малышка, – нежно сказал один из здоровяков, – но парня надо отвезти. Маккензи, это Джейм Шеппард, Джейм, это Маккензи. У нее на корабле есть одно пассажирское место. Думаю, Маккензи, ты понимаешь, что Джейм обижать нельзя.

– Я же вырос на Айле, – улыбнулся Илья.

– Ну, тем лучше, – кивнул дельфинер.

– А в чем фишка? – поинтересовалась Джейм

– Мусульматриане. У них там первые поколения мало девочек рождалось, до сих пор на женщин не надышатся.

– Прикольно! Надо съездить, – весело сказала Джейм.

Илья фыркнул про себя, представив себе Джейм на улице Мариамабада – без климатик-паранджи, без шляпки, без сервоспутника... Но промолчал.

– Я вылетаю через час-полтора, – сказала девушка, – тебе сколько надо времени собраться?

Илья прикинул, сколько времени нужно, чтобы добраться до камеры хранения. Заплатить за гостиницу можно откуда хочешь – комм при себе.

– От получаса до сорока пяти минут, в зависимости от того, на какой причал выходить.

– На семнадцатый, – она поднялась и пересела за столик к дельфинерам, – а мы пока прощаемся.

Илья не знал, восхищаться ему этой девушкой или тихо посмеиваться. Она двигалась, звучала, пахла совершенно не так, как это делали плавные царственные айланки. Она вообще напоминала мальчишку. Но, во-первых, ни один мальчишка не вел бы себя так, будто ему принадлежит весь освоенный космос и личный корабль впридачу, а во-вторых, ни один мальчик не вызывал в Илье такой бури ощущений.

– Мы бухали вместе, и я Своорта перепила. Это надо хорошую практику иметь – пить и танцевать одновременно. Боссе с Нильсом проставлялись, но я взяла историями. Все забыла, конечно, да и у них языки заплетались – диктофон чуть не укнулся, еле распознала утром.

Илью обуревало желание заткнуть уши и трясти головой. Не женщина, а беглец из мультика. Соломенные волосы до носа, сзади гораздо короче, глаза искрятся – и то молчит, то тараторит...

За два дня полета они успели обсудить больше тем, чем он когда-либо обсуждал с любым из своих друзей. Вот и сейчас – отключила фиксаторы на пилотском кресле и крутится, сложив ноги на подлокотники.

– Семьдесят третий, семьдесят четвертый и восемьдесят девятый сектора у нас вообще не охвачены. Согласно очереди не вышло, по военному положению, а сейчас основной экзот уже в засотневых, а кое-кто уже по второму кругу пошел – тоже, говорят, интересно.

– А ты сама из какого сектора?

– Я? – засмеялась Джейм, – я землянка.

Илья присвистнул.

– Ну, вообще-то родилась я в тридцать седьмом, но на этой самой посудине, а у «Мигги» порт приписки – Джакарта, так что я считаюсь индуска. Пойдем, по кофе сбавим?

Это значило, что Илье следует сварить кофе по-айлански. По-турецки Джейм забраковала, по-венски Илья и сам не любил, а для ирландского не было правильного алкоголя.

Он встал и потянулся: кресла в «Мигге» были тесноватые.

– Пойдем, конечно.

Однако до кухни они не дошли. В коридоре Джейм пой-

мала его за ремень и сунула руку под футболку. А когда он остановился и повернулся к ней, встала на цыпочки и поцеловала в губы.

– Ты.. уверена? – спросил Илья

– Еще один вопрос, и я тебя убью.

Он пришел в стабильно разумное состояние только на следующее утро, в каюте Джейм, среди разбросанных подушек и деталей одежды. Девушка спала прямо на нем, удобно упершись головой в его подбородок. Илья поерзал, пытаясь вздохнуть, Джейм подняла руку, взяла его за нос и повернула в прежнее положение. Ритм дыхания при этом у нее не изменился.

– Джейм?

– Мммм?

– Леди, я хочу подышать.

– Ум... – она недовольно застонала, но позволила передвинуть себя на несколько сантиметров вниз.

– Ты говоришь, родилась на этом корабле... – он задумался над тем, что бы ему предстояло сделать в аналогичной ситуации на Айле, – а где сейчас твоя семья?

Джейм проснулась мгновенно, как кошка, и села, потягиваясь.

– Кофе хочу!!! Где сейчас?.. Мать продала мне «Миггу», добавила от себя и купила новый кораблик, получше. Не знаю, где они с Джастином сейчас. Кофе, кофе! И бутер-

брод. И блинов.

Илья приподнялся на локтях, пытаясь углядеть в море одеял, подушек, какого-то тряпья – свои штаны. Безуспешно.

Джейм перекатилась на четвереньки и потягивалась уже в этой позе. Илья на всякий случай зажмурился.

– Надо было еще вчера тебя соблазнить. Лишний день в одежде пропарились. Ну, пошли, пошли кофе варить!

Илья завернулся в какое-то полотенце и двинулся на кухню.

– Мать-то работает на канале «Дискавери» с двадцати лет, сначала была обычный фрилансер, а в штат они ее взяли, когда мне уже четырнадцать было, надрались мы с ней, помню, как поросята. А меня-то они давно знают, первый мой фильм купили, когда мне десять лет было. Я же с этой камерой в руках выросла. С третьего фильма поставила себе разъем, так что она летает типа сама по себе, никого не напрягает. Ну, я снимаю и отдаю, они мне даже начисляют по продажам уже, лет пять и кредит мне за «Миггу» закроют.

– Тебе твоя работа дала кредит?

– Именно. Это такой понт, никто не верит. Мне даже пенсионные отчисления идут, во как!

Не работа, мечта – летаешь по вселенной, все разнюхиваешь, интересные вещи ищешь – и тебе за это же бабло кидают те, кто по домам сидит. Вот так-то, да.

– Одна не боишься?

– А я редко одна. Я обычно с бойфрендом, так веселее и кому готовить есть.

– А где он?

Джейм поморщилась.

– Предыдущий кончился. Был и весь вышел. А ты будешь новый. Я думала Нильса взять, но они только все вместе хотят, а мне куда трех мужиков, у «Мигги» воздухооборота не хватит.

Илья поставил на стол сковородку.

– Ешь. А отец твой где?

– А у меня не было никогда отца, – весело сказала Джейм, наматывая макароны на вилку, – ну то есть я знаю, что должен быть кто-то, но нету, мамини парни вполне заменяли. Я даже, быть может, искусственно зачатая, хотя вряд ли, мать в искусственном мужике сроду не нуждалась. Она-то еще по-баще меня будет, я красотка, а она звезда натурально.

– А у меня два отца, – задумчиво сказал Илья, – получается, на пару у нас с тобой по одному приходится.

– О, – загорелась Джейм, – Расскажи! Это где, на Айле такие порядки?

– Никакие не порядки. Отец на войне погиб, мама вышла снова замуж. Отчима зову отцом. Он... настоящий отец. Хотя приемный. Так что я Маккензи, а семья у меня – Лейхас.

– А, так. Не, так неприкольно. Ты мне вот что Расскажи – мне Своорт лапши навешал или правда у вас из лунной ба-

зы арт-объект сделали? А то, может, мне вообще семьдесят третья область не нужна? Я же по военным ужасам не специализируюсь, я диковинки снимаю. Красивое. Удивительное. Есть у вас что-нибудь в дыре вашей?

Илья хитро усмехнулся.

– Я думаю, ты не пожалеешь.

0:2. Тирнаног

«Мигга» приближалась к луне по высокой орбите вокруг сине-зеленой планеты, почти целиком покрытой светлыми спиралями циклонов.

– И где? – вытянула шею Джейм.

– погоди, – ответил Илья и потерся носом о ее макушку, – сейчас увидишь.

Луна сияла над ночной стороной планеты. С каждой минутой, по мере приближения, она становилась все больше – и все крупнее выступали оспины кратеров и выбоин на ее поверхности. Но вот медленно, выходя из-за луны навстречу «Мигге», заискрилось что-то резное, светящееся, ажурное. И луна, и станция проходили ниже корабля, станция медленно поворачивалась.

– Корона! – ахнула Джейм, когда меж узкими стрелами постройки появилась темная полоса.

– Тороидная структура с односторонней надстройкой, – с гордостью поправил Илья, – диаметр тысяча четыреста метров. Возраст разных элементов от двухсот до тридцати лет.

– О, да, это арт-объект, несомненно... – протянула Джейм, – нам разрешат облететь ее несколько раз? Мне нужно часов шесть разных ракурсов. А вблизи она, наверное, не настолько прикольная?

– Подойдем поближе – увидишь, – ответил Илья и отвел взгляд от станции. На ночной стороне планеты не светилося ни единого огонька. А ведь вон оно – побережье Шинейда. Вон Брианская бухта. Вон острова Нево. Все темно.

Джейм подалась вперед.

– Объясни, что... Боже, как они Это сделали?

– Ну обычно все транспортные и проводные системы прячут внутрь, – пояснил Илья, – потому что неэстетично. А мы..

– Понимаю, ага, ирландская вязь... А как в них ремонтники разбираются?

– Да гораздо легче, чем шуровать в том же вакууме под обшивкой...

– Но это же такая путаница!!

– Они же все только снаружи металлизированы. С внутренней стороны везде метки.

– А... алмазы?...

– Уй, Джейм, ну нормальные же зеркальные пузыри!

Джейм тихо ругнулась и откинулась в кресле, едва не стукнув Илью по подбородку. Он легко отодвинулся – привык к ее порывистым движениям. Быстро привык. Кажется, немного слишком.

Он осторожно погладил ее по плечу.

– Я хотел бы тебя внутри поводить. Дня два. Я там был маленьким. И сам вспомню... И тебе покажу кое-что. Если это не убрали, конечно.

– Да, – сказала она, не отрываясь от едва заметного движения сверкающей ажурной короны перед ними, – внутри – обязательно. Это будет убойный фильм, даже если внутри там коридоры из экопластика.

В этот момент со станции поинтересовались, собирается ли земной корабль швартоваться, или намерен еще без особенного толку пожечь орбитальное топливо.

– В тот день, когда здесь приветствуют честного путника простым приглашением, реки Гибрисайла станут синими, а брауни начнут рисовать наскальные картины, – фыркнул Илья.

– Давно уже не слышали мы ничего настолько приятно-го, – отозвалась станция, – малый порт «Брэд» открыт земляку и землянке, как наши сердца открыты предложениям о совместном времяпрепровождении.

Джейм подняла бровь и посмотрела на Илью.

– Они, что – всегда так разговаривают?

– МЫ разговариваем так не всегда. Но часто. Вон он, порт «Брэд» – нам туда.

Двумя часами позже Джейм озиралась, стоя в центре Витражного Зала. Маленькая портативная камера висела над ее головой, как шмель с кулак размером.

– А это?...

– Это история о том, как заложили Бриан. Столицу. Андрей Горчаков, и Нед Малиган, его шурин.

– А сзади?

– Их сыновья. Семеро Горчаковых и семеро Малиганов.

– Это по сколько жен у каждого было? – поразилась Джейм.

– Э... по одной, – удивился Илья.

– Ужас, – отозвалась Джейм, – то-то жен нету на картине. Им было некогда позировать, видимо.

Илья подумал и перевел Джейм к другому витражу.

– Врачи, победившие Большую Эпидемию. Джейн Дав и Кэтлин Назарова, и их ассистенты – Келли, Ивакина и Брод.

– Хы, три тетки, – посчитала Джейм, – а я уж подумала, что у вас вообще патриархат.

– Ну... вообще-то да. Хотя черт его знает, может, и нет. Я не помню.

Весь следующий день они поднимались и спускались по ажурным лестницам, обходили залы, в которых высокие окна на солнечную сторону отражались в зеркальных жалюзи противоположной стороны. Джейм провела полчаса, лежа на полу в одном из коридоров. Илья стоял рядом и слушал, как она подробно пересказывает камере объяснения мимохожего ремонтника о том, как выращивается аранское покрытие. Отдельно – про то, что узор, в который его нити сплетены, может означать пожелание доброй дороги, богатства или удачи.

- А вот это пчелиные соты – благоденствие, да?
- Ага, а вот это – алмазное плетение, удача и успех.
- И на каждый квадратный метр по тысяче пожеланий?
- Точно.

Проходившие мимо служащие ухмылялись. Илья подумал, что туристов Тирнаног видит не впервые. Однако народу на станции было удивительно немного. По его воспоминаниям, станция была вся похожа на огромный вокзал, даже в Витражном Зале на полу лежали матрасы. Сейчас людей было не меньше, чем на любой орбитальной станции – но и не больше. Эвакуация окончена много лет назад.

Джейм почти вприпрыжку шла по узкому внешнему коридору с редкими оконцами-иллюминаторами и объясняла Илье:

– Уникальность вашей станции в том, что она не просто арт-объект, а фрактальный арт-объект. От нее вшторивает на любом приближении. Я боюсь, что если заняться молекулярным анализом всех этих ступенек, окажется, что они серебряные.

– Они платиновые, – пожал плечами Илья, поспевая за ней вслед.

Джейм махнула рукой.

– Верю!! С вас станется. И название какое – Тирнаног. Лунное королевство. Что за нацией надо быть, чтобы превратить орбитальную станцию в дворец?...

– Ну... станция – она для всех. Это нарочно было сделано. Каждую ясную ночь каждый тариен поднимает глаза и видит свою гордость, украшение неба, обручальное кольцо любимой планеты. Мы это ей подарили. Вращение тора намеренно отцентрировано так, чтобы с поверхности можно было видеть – то полоску, то колечко.

– Дикие люди, – проворчала Джейм, – брак с планетой... бррр.

– Погоди... кажется, здесь.

Они прошли по лесенке на другой этаж. В круглом основании башни – зубца короны – небольшой садик с фонтаном в центре, кольцо аккуратных дверей. И никого.

Илья вытащил из кармана комм-тетрадь и проверил записи.

– Да, порт «Марина», надстройка, четвертый этаж. Какое все здесь... маленькое...

Джейм смотрела на него с интересом. У Ильи прыгали губы, он прижал пальцы ко рту и резко вздохнул.

– Сейчас... Да. Пойдем. Тут пусто, понимаешь? Я не думал, что тут никого не останется...

Они обошли садик и начали подниматься по лестнице с двойными – высокими и маленькими – перилами. Балкон шел вокруг всего помещения, вдоль стен стояли кадки с цветами, столики, кресла и качели.

– Вот.

Илья неловко присел на корточки и поманил Джейм за собой.

Перила покрывала упругая металлизированная сеточка. Взрослому чуть выше пояса – ребенок может смотреть вниз, не перевешиваясь и не рискуя выпасть. В некоторых местах сетка сгущалась от более плотного затейливого переплетения нитей.

– И что?

Илья взял Джейм за палец и повел им вдоль сгущения, обводя его, как картинку.

– Собака?... нет, волк... – неуверенно сказала девушка и вдруг отдернула руку, – все, вижу! Как вынырнули... Узелковый рисунок, да?

– А вот Иван Царевич с Жар-Птицей, – узелки и переплетения серебряных проволочек складывались в подробные изящные фигуры

– Вижу!

Илья тихо засмеялся.

– Моя любимая – это Страшила, Смелый Лев и Железный Дровосек. Там столько деталей можно разглядеть. Птички на ветке, грибы у дорожки, у Элли в корзине яблоки... Она, кажется, с той стороны.

Джейм внимательно посмотрела на Илью.

– Ты понимаешь, что сама бы я такие мелочи ни за что не нашла?

– Конечно.

– Чем я рассчитываюсь с тобой за эти... чудеса?

– Ну... это подарок.

Илья встал и улыбнулся.

– У нас с тобой есть еще два дня. Мои документы будут готовы завтра к вечеру, послезавтра я спущусь на утреннем челноке. Я покажу тебе все, что успею.

Джейм улыбнулась в ответ.

– А когда назад? Я же не смогу долго ждать?

Илья смотрел на нее сверху вниз и ошеломленно пытался сообразить, что же ответить. Видимо, он что-то упустил в их отношениях.

– Я прилетел на Тару, чтобы здесь жить, – сказал он наконец, – я утром пойду сдавать генетический материал в ре-е-стр. Не думаю, что вообще вернусь наверх, в Тирнаног.

На «Миггу» они вернулись молча. Илья собрал развешенные на сушилке вещи, кинул в рюкзак умывальные принадлежности и вышел в рубку.

Вопреки его опасениям, Джейм не плакала.

– Только... объясни мне, за каким чертом ты спускаешься на мертвую планету, которой даже не помнишь? Тот садик – я понимаю. Опять же, вся твоя семья на Айле, ты вырос там. Ну, побывать здесь, да, я могу понять. Но, – ее передернуло, – навсегда вниз?...

Илья помолчал и вздохнул.

– Она не мертвая, Джейм.

– Такие планеты не восстанавливаются. Ни одна. Что, мало мест?... Да в одной вашей семьдесят третьей области восемь незагаженных планет. А со мной... со мной ты бы их увидел восемьсот.

Илье ужасно хотелось обнять ее и покачать на руках, как ребенка. Но он удержался.

– Джейм, – сказал он и вдруг задумался, – Джейм, я объясню тебе. Знаешь... Я соберу тебе... кое-что из своего архива, договорились? А ты... если захочешь, ответь. Когда просмотришь.

Она отвернулась и порылась в ящике.

– На, возьми.

В ладонь ему скользнула маленькая комм-карточка.

– Отвечать, наверное, не буду. Но просмотреть – просмотрю.

– Ты когда-нибудь будешь очень знаменита, Джейм Шепард, – сказал Илья после длинной паузы и вышел из рубки.

...к сообщению присоединены следующие медиа-файлы:

Удобный код.

Материться по-гэльски

Похищение платинового быка

Неосторожное обращение с мифами

Свои дети

Почтовое окошко

Говорящая с ши.

Джейм вывела на экран тетради опцию «объединение фильма» и зафиксировала кресло, чтобы не крутилось. Она посмотрела на экран, где проецировался вид станции на фоне планеты и хрустнула пальцами. Она уважала других женщин и понимала, когда нет смысла играть в перетягивание мужчины. «Тогда хотя бы Расскажи мне, как ты это сделала» – Джейм мрачно ухмыльнулась, подмигнула изображению планеты и включила воспроизведение.

Архив-1. Удобный код

– Ну, общая побудка? – спросил Олег.

Капитан молча покачал головой, не отрывая взгляда от медленно поворачивающейся под ними сине-зеленой планеты.

Олег вернулся к мониторам.

– Код подтверждается. Удаленность – Ти, гравитационное соответствие – Эй, ландшафтно-климатическое соответствие – Ар, атмосферное – Эй. Золото, а не планета, почти весь код буквенный, да еще два «Эй»...

– А биологическая активность?

– Есть, но пока не типизируется.

– Как бы нам по такому землеподобию с аборигенами не встретиться, – поддел Олега капитан.

– Сканирование ночной стороны вспышек света не выявило, – хмыкнул Олег, – Да и не думаю. Холодновато тут для человекоподобных.

Он пододвинулся к монитору и добавил:

– Наклон меньше полутора градусов, тропиков нет. Зато ветра вон, поглядите, какие... А человекоподобные тепло любят.

Капитан только головой покачал и щелкнул по кнопке голосовой связи.

– Виктор Васильевич? – отозвался низкий женский голос.

– Ольга Анатольевна, подойдите в рубку, прошу вас.

– Слушаю.

Олег не позволил себе даже хмыкнуть. Капитан Брагин и доктор Брагина, родители двоих астрогеологов из Маринкиной смены, ни разу не дежурили вместе в обход расписания. Не то, что уж бросить, хотя бы к четвертому году полета, такую манеру обращения. Гвозди бы делать из этих людей...

– Олег, подежурь полчаса в медцентре? – первым делом сказала Ольга Анатольевна, – пожалуйста.

– Эх... – подумал он, но быстро сложил манипуляторы в лоток и вышел наружу. Полчаса можно и попятиться в ряды зеленых огоньков. Тем более, что один из них – Маринка.

– Посмотри, Оль... – хрипло сказал капитан.

Она подошла совсем близко.

– Хороша... Какая ветренная. И столько воды.

– Придумывай название.

Она тихонько засмеялась.

– Так ты не знаешь?...

– Не знаешь чего?

– Конечно, они постеснялись тебе сказать. Код-то подтвердился?

– Ти-Эй-Ар-Эй – девяносто два – пятьдесят шесть – джей – сорок четыре. Все так.

– Вот именно Ти-Эй-Ар-Эй. Тара. Они ее уже так зовут

больше года.

Он шутливо задрал брови и посмотрел на жену

– Стеклотара или бочкотара?

– Влад Сорникин порыскал по архиву, и нашел совершенно волшебные материалы. Оказывается, Тарой назывался какой-то легендарный дворец у древних кельтов. Там такие фотографии красивые. Море, трава, обрывы, замки какие-то. И, еще одна Тара – специально для тебя – небольшой городок под Омском.

– Да... слушай, помню! Там еще пиво варят. Я на воздушке ездил Омск-Тара.

Она тихо засмеялась

– В общем, ты можешь надавить, и все про это забудут. Но лично мне идея понравилась.

– Опять ты идешь у детей на поводу, – проворчал он, – я обещал подарить целый мир Тебе. А не кому-то еще.

– Тара, – твердо сказала она и улыбнулась.

– Да, королева, – он склонил голову и тоже улыбнулся, – Тара. Морей и обрывов, я полагаю, будет достаточно.

Олег тем временем удобно расположился в медцентровском кресле и принялся сканировать Маринкины показатели. Ближайшая БДГ – через четыре часа, так что снов она не видит. И он ей, стало быть, не снится. Циклические показатели в норме. Ближайшая овуляция через двенадцать дней. Может быть... хотя вряд ли. Не в этот раз. Лучше через

годик-полтора. Два движения мышкой, другая ячейка. Его собственные показатели – гм, да, гораздо более унылые – сердцебиение отсутствует, дыхание отсутствует – еще бы, в пустой-то ячейке. Посмотреть бы как там Димыч с Виктором, да без пароля не узнаешь, а пароли у Олега были только свой да Маринкин.

– Олег, возвращайся в рубку, – сказал компьютер голосом капитана, – поищем стационарную орбиту попримечнее. Обработка фотосъемки уже заканчивается, заодно решим насчет высадки.

На следующий день Олег вывел грузопассажирский катер из шлюза и вошел в атмосферу планеты. За его спиной, вопреки любым правилам, торчали два геолога и аэролог Дима, поклявшиеся наблюдать молча и не отвечивать.

– Чувствуешь ли ты себя игрек-хромосомой в самом носу у сперматозоида? – вкрадчиво спросил Димыч у Олега за плечом.

Олег выругался.

– Балда, – пожурил то ли его, то ли Димыча старший геолог, – никакого уважения к моменту.

– Катер бесхвостый, – нашелся Олег.

– А инверсионный след?

...Облака разорвались и снизу показался лаково отблескивающий серый океан. Димыч бормотал, сверяя данные

съемки с наблюдениями, геологи молчали. Внизу прошли два каменистых острова, вода стала немного светлее, показался обрывистый берег.

– Базальт, похоже, – сказал младший геолог.

– Высоту прикинь – метров сто, не меньше. И фьорды. Восточная Атлантика.

– Да, похоже.

– Плюс шестнадцать за бортом, и ветер до двадцати метров, – добавил Олег, – до посадочной площадки полторы минуты, двигайте-ка к себе в отсеки, одевайтесь.

Обрывы остались позади, земля поднималась и опускалась, словно волны, наконец показался холм, который они с капитаном выбрали для первой посадки. Олег заложил аккуратный вираж и сменил тягу. Катер задрожал и деликатно опустился на ровную зеленую площадку, выпустив пробные опоры.

Вроде порядок. Олег установил основные опоры и медленно убрал тягу. Так... И все.

Он убрал руки с пульта и прислушался. В отсеках копошатся геологи и эпидемиологи, аэрологи и строители. Ждут посадки.

Олег молчал и улыбался. «Кажется, я уже немного люблю эту планету. Ну, а теперь собственно оплодотворение...»

– Посадка успешная. Герметизирую отсеки, подберите ноги! Выход из первого отсека с полным мониторингом, остальные ждут в полной тишине. Первый отсек готов?

Через две недели Олег перешел с орбитальных рейсов – там вполне справлялись Сергей с Макароной – на местные. Пилотировать в атмосфере в любом случае интереснее, тем более в такой ветреной. Наверху болтанка, внизу вообще может оземь приложить, Динка едва не расколотила грузовик с энергетиками и отлеживается на орбите с нервным срывом и прокушенной губой.

Олег приглядывал за погрузкой геологического оборудования (отвлечешься – все сложат на правое крыло), когда к нему подошел Брагин.

– Капитан! Вы – внизу? – обрадовался Олег.

– Кстати, здравствуй, – ответил капитан и прищурился, – когда спал?

– Вчера, – обиделся Олег, – то есть уже сегодня. Стандартные восемь часов. А глаза красные у всех – псевдовереск цветет, аллергия маненько.

– Угум, – мрачно ответил Брагин и, похоже, что-то для себя отметил, – скажи геологам, пусть два места вынут, мы с Лаврентьевым с вами полетим.

– Докуда? – спросил Олег, – только до Патрикевны или до Северного поста?

Брагин поднял брови.

– Это ты гору святого Патрика так назвал?

Олег стушевался.

– Ну... так короче.

Капитан повернулся к подошедшему топографу Лаврентьеву.

– Не знаю, куда нас занесет с этой кельтщиной. Зачем давать названия, которые коверкаются спустя три дня?

Топограф успокоительно покачал головой и свертком распечаток.

– Что вы такое сказали Виктору Васильевичу, молодой человек?

– Про Патрикевну.

Лаврентьев засмеялся.

– Отличное название. Не расстраивайтесь, капитан, хирургия тут не нужна. Нежизнеспособные топонимы сами отвалятся. Хех! А вы знаете, что Сорникин нашел пятый файл с упоминанием Тары?

– И? – обреченным голосом спросил капитан.

– И мы таки имеем вулканическую цепь Скарлетт... А что язык меняется... Я вчера в Лесном секторе был, знаете, что видел?

– Могу вообразить...

– На доске объявление в энтомологическом лагере. Черным по белому написано «Чертовы друиды, верните использованные аккумуляторы». И подпись «Завхоз».

– Почему друиды? – заинтересовался Олег.

– Я тоже так спросил. А завхоз мне пальцем тыкает – идут трое, в зеленых маскнакидках с капюшонами, неделю не бритые, с палками, и полные банки бикарасов всяких... Я еле

спасся, как мне начали каких-то жуелиц совать. Друиды, точно.

Геологи тем временем со стонами разочарования выкатили из вертолета эхобур. Лаврентьев передал внутрь распечатки и влез сам, капитан же сел в кабину рядом с Олегом.

– До Северного летим. А там возьмешь маленький флягер и покатаешь нас немного над скальником. Никак в толк не возьму, как лучше разработку строить.

– А что там, в разломах-то? – спросил Олег, настраивая связь с кузовом, – неужто нефть?

– Уран там. Прилично. А нефти не жди. Геологи говорят, нету ее вообще. В лучшем случае, в шельфе что-то высвечивается.

– Значит, так и будем на батарейках летать, – вздохнул Олег.

– Тем лучше, нечего углеводороды в дым переводить. А вот пластмассу варить придется из отходов. Куда ни кинь, проблемы.

– А как мы все же Базу назовем? – вдруг спросил Олег.

Брагин усмехнулся, но ничего не сказал, потому что заработал винт и вертолет задрожал, отрываясь от каменистой площадки.

Пять лет спустя, на заседании Координационного совета планеты, Виктор Васильевич Брагин покачал головой.

– И теперь новости с Земли.

Люди вокруг него завозились, зашушукались, как дети в ожидании Деда Мороза.

– Новости, собственно, две – хорошая... и сложная. Начну с хорошей. Долг колонии Земле полностью погашен. Более того, выручка от продажи проездных превысила наш долг и нам в счет прибыли выслали три планетарных катера. Астероиды перестанут быть зелен-виноградом.

– Как скоро они прибудут? – спросил глава геологоразведочного отдела.

– На наше счастье, нескоро, – сухо отозвался Брагин, – и переходим ко второй новости. В двух мэйфлауэрах, которые к нам идут, русских – меньше трех тысяч.

Его команда растерянно молчала.

– Но почему?...

Брагин встал и потряс зажатой в руке распечаткой.

– Кто – сказал – мне, что мы называем планету ни к чему не обязывающим сказочным словом, а? – он развернул распечатку и прочитал вслух, – шесть тысяч – США, девять с половиной – Канада, четырнадцать тысяч – Австралия, три – Британия, семнадцать – Ирландия. Язык – гэльский!

Нас двенадцать тысяч. Даже если мы посадим всех женщин рожать без передышки, нам дай бог сравняться числом.

– Да это не так важно, – заметил эколог Зинченко, – количество дело десятое. Другое дело, что ведь расчет был, что мы, исследовательская группа, должны обучать переселен-

цев. Выращивать специалистов на месте. У нас же учебников на гэльском нету!

– И сразу надо зафиксировать, – сказала вдруг заведующая отделом здравоохранения, – что нам ни в коем случае нельзя создавать языковые анклавы. Или мы смешаемся... Или наши внуки будут здесь воевать.

В Совете стало тихо.

– На то, чтобы все продумать, время есть, – сказал капитан Брагин, – мэйфлауэры прибудут через двадцать четыре года. Переходим к вопросу о карантине в лесной зоне.

Архив-2. Материться по-гэльски

Когда крошка Ник заскучал и начал тереть глаза, Мюриель унесла его в спальню. Но там он раскапризничался еще пуще.

На ручки, на ручки... та-а, а-а. Щиплет белый пух старуха – нынче будет много пуха...

Т-шшшш... летели кони над морем, сизые гривы, белые ноги...

Спит.

Скоро уже должен вернуться Андрей с работы. Мюриель тихонько прошла на кухню, увеличила огонь в духовке. Комм на столе затренькал.

– Отзовись, – торопливо сказала она.

– Муришка? – весело произнес комм голосом Андрея, – знаешь, кто со мной? Доставай тапки!

– Нед приехал? – ахнула Мюриель.

– Через пять минут будем дома. Постели наверху, хорошо?

– Там холодно, – недовольно ответила Мюриель, – я лучше в детской.

Комм чмокнул, воспроизводя поцелуй в мембрану телефона, и замолчал.

Мюриель с удовольствием подумала о том, как кстати оказалась мысль приготовить ужин на два дня сразу, и, кряхтя,

полезла наверх за гостевой постелью.

Матрас – тяжелый, зараза! – она просто сбросила с лестницы. Ничего, пол чистый, мыла утром. Одеяло кинула вслед. Подушку засунула подмышку и аккуратно сошла, почти не держась за перила. Крошка Ник зашебуршился в кроватке, когда она стелила на тахте, но не проснулся.

Вот и хорошо, – подумала она, расправляя на подушке хрустящую наволочку, – Нед, поди, соскучился по нормальной постели... Ах да. Тапки.

Она прошла в прихожую и вытащила из ларя коробку из-под комм-запчастей. Недовы тапочки в хрустящей комм-упаковке лежали уютные и веселые.

Мюриель вынула их и поставила на подоконник, аккуратно свернула упаковку, закрыла коробку, чтобы спрятать в ларь.

В окне что-то мелькнуло. Она замерла с коробкой в руках. Да, вон они. По серым камням дорожки, ведущей к дому между зеленых лужаек – темные в пепельном вечернем свете. Длинный, немного сутулится – муж. Шагающий вприпрыжку, размахивающий руками – брат.

Нед был с Мюриель всегда. Нед был всегда на полтора шага впереди, прокладывая дорогу; потому что, когда Мюриель начала уверенно ползать, Нед как раз освоил премудрости дверных ручек. В школу их пришлось отдать вместе, потому что чему бы ни учили Неда, Мюриель это все равно осваивала ровно на следующий день.

Нет-нет, с Андреем она чувствовала себя вполне защищенной. Но все же, как хорошо, когда Нед рядом.

В доме сразу стало шумно и светло.

– Тапки!!! Мои тапки, Мария-Иосиф!

– Как Колька? В прыгалке висел? Или опять весь день на ручках?...

– Ой, да как загорел-то, и нос, нос облезлый!

– А я ши видел, честное слово!

– Да кто их не видал-то, у нас за домом в холме...

– Так то холмовые, а я лесного видел...

– Муришенька, – потише сказал Андрей, – пришла твоя ботаника?

Она потупилась.

– «Хорошо» поставили.

– А что не так?

– Фотогербарий маленький и две ошибки в тесте...

Андрей поцеловал ее в лоб и утешил:

– Ну, пересдашь в каникулы.

Мюриель жалобно заныла

– Ну какие каникулы!!! Осень на дворе, а у меня еще фармацевтика висит...

Муж растрепал ей челку и улыбнулся.

– Потом обсудим.

Бесполезно. Придется пересдавать... Мюриель безнадежно вздохнула и поплелась в кухню.

Кухня ее, как обычно, успокоила. Широкий деревянный стол, красивый лакированный паркет, шкафы, вытяжка, посудомойка, полки с нарядными чашками, мраморная плита рабочей зоны, надежный комбайн. Мюриель постелила скатерть, налила квас в кувшин, вынула кастрюлю с рагу из духовки.

Прискакал розовый после душа Нед в махровом халате и тапках на босу ногу, Андрей чем-то загремел в мастерской и затопал по лестнице вниз. Мюриель зажмурилась от счастья.

Пока мужчины ели, в детской запищал крошка Ник, напоминая, что и ему время покушать. Пока то, да се – к столу она вернулась, когда Андрей уже снял тарелки и скатерть, и разложил очередную груду распечаток.

Мюриель ела, одним глазом поглядывая, как крошка Ник идет по стеночке в кухню – встал, упал, прополз полметра, поднялся, шагнул, упал. Когда он добрался до стола, Андрей, не оглядываясь, протянул сыну палец.

– Забавно, – наконец сказал Нед, разглядывая какие-то кроки – и ты думаешь, что мы не одни такие на всю голову звезданутые?

– Сейчас готовых сняться и поехать – тридцать человек. К тому моменту, как вы поставите посадочную площадку для грузовиков и просчитаете дороги и водозабор, будет двести тридцать. Мне два года надо, я еще на архитектора выучусь, и из Муришки к тому времени целый педиатр получится.

– За два года-то и я обернусь, – хмурясь, ответил Нед, – и, глядишь, Юлька уже ломаться перестанет...

– Ой, я тебе уже все сто раз говорил про Юльку...

– Ну да, да, вот я уже и с профессией в руках, и с образованием ... почти, и с делом с большим. Завтра вон, цветов пойду наберу... Позову с нами.

– О, да, – засмеялся Андрей, – химики в новом городе край дела нужны!

– Тем лучше, – приободрился Нед, – а за планы по городским зонам давай еще утром обсудим?

– Да, – ответил Андрей, запихивая бумаги в ящик, – а сейчас ну-ка про тебя. Что ваши промеры-то показали?

Мюриель печально подумала, что в геологии она от Неда безнадежно отстала еще три года назад. Андрей же что-то понимал, хмыкал и смеялся совместно с Недом над каким-то Олежеком, который «гелевым щупом-то пробивался-пробивался сквозь глиняный горизонт, аж вспотел весь»... Она посадила крошку Ника в прыгалку и достала вязание. Андрей задумчиво посмотрел на жену и вытащил чайные чашки.

Ее – тоненькая, узорчатая, из ударопрочного фарфора. Пузатая обливная кружка – Андрея. Недова – из верхнего ящика, красная, с профилем Капитана Брагина.

– А как вы там, в полях, чаевничаете? – спросила Мюриель у брата.

– А как замерзнем, так и за чай, – ухмыльнулся тот и потянулся за сахаром, – да еще из фляжки в термос плеснешь,

так и совсем тепло становится... Главное, не вспотеть! А то будешь как Олежек!

Мужчины вернулись к своим мужским разговорам (Мюриель окончательно потеряла нить на предположениях, как можно было оптимизировать извлечение увязшего в болотах за Валдаем гусеничного вездехода), сынишка упоенно звенел погремушками прыгалки, спицы уверенно вязали петли – Мюриель улыбнулась, вспоминая, что в первую их встречу Андрей точно так же хмурился и ерошил волосы, а Нед точно так же подпрыгивал от желания вставить слово.

...– Ну, Кит, ну дай я ему съезжу!

– А ты, Малиган, помолчи, вот как надо будет, так и съездишь, а пока мы тут разговоры разговариваем, не видишь?

– А ты вообще-то подумал, О`Доннелл, что на разговоры ввосьмером на одного не ходят?

– А ты зассыл? Зассыл уже, да, умник?

– Свои штаны проверяй, а за мои не хватайся, а то плохое подумают!

Русский мальчишка в окружении целой компании гэлов-ровесников виртуозно отругивался, с тревогой поглядывая вокруг. Дело шло к тому, что быть ему битым.

– Ну, Кит, ну хватит уже, дай мне его треснуть! – взмолился Нед. Мюриели за его спиной было не видно, какую рожу скорчил Кит О`Доннелл, но Нед понурился.

– Так ты пришел разговаривать – ну разговаривай, – не вы-

терпел русский.

– Так у меня разговор-то к тебе простой, один вопрос, на сердце лежит и плачет – если ты такой умный, почему ты строем не ходишь? Кой черт я на всех уроках только и слышу, какой ты молодец? Ты вообще знаешь, что у нас с выскочками делают?

Русский оторопел, потом взмахнул руками.

– А тебе, если ты такой гордый, кто мешает сесть да выучить? Или хочешь, по сассанахским заветам, дураком остаться? Да и не только сам, и весь класс за собой, да? Так, не иначе?

Кит аж присел от такой наглости.

– Кто?... Кто здесь сассанах?... Ты... ты, грязный русский ушлепок!

Противник его вдруг успокоился и печально посмотрел в небо.

– Я-то русский, а ты кто? Едрена пропасть, ты можешь меня, конечно, тут с землей сравнять и травкой засадить, но ведь ис мисэ ан т-амадан фейстэ русис, а не блади рашн фейста!! Какого лешего я русский, а матерюсь по-гэльски лучше твоего!!! Фигли ты без сассанахских слов не можешь, а?

Кит шагнул назад и громко втянул воздух, Нед кинулся вперед с кулаками, Мюриель шагнула назад, заранее выбираясь из свалки. Раздался чмокающий удар и черноволосая голова русского исчезла в толпе. Тут Мюриель спиной вле-

тела во что-то мягкое и обернулась.

Над ней высились, попирая облака головами, семь ба-шен-девятиклассников с самыми недобрыми выражениями лиц. То, что ближайший, на которого Мюриель наткнулась, был их с Недом старший брат Бойд, ситуацию не улучшало.

– Да, собрат мой О`Доннелл, Горчаков-то задал правильный вопрос – прогудел со своих высот Бойд, – какого нездорового черта ты поганишь нашу речь английскими словами?

Кит набрал в грудь воздуха и покраснел, Нед начал пятиться к Мюриель, но был пойман за шиворот длинной рукой Лиэма. Девятиклассники обступили драчунов со всех сторон, умело отрезав пути к отступлению. Русский поднялся и с независимым видом утирал разбитую губу рукавом.

– А еще у меня есть вопрос ко всем присутствующим, – раздался ленивый голос, – похоже, кто-то тут забыл, что я объявил на школьной сходке первого сентября три года назад, и что повторяю каждый год?

Мальчишки окончательно стихли. Шон О`Брайен, главный забияка школы, отсидевший по два года в третьем и шестом классах, был еще больше остальных девятиклассников.

– Вспомнишь сам, или освежить твой разум, а, О`Доннелл?

Кит нахмурился и шагнул Шону навстречу.

– Может я и грязноротый кретин, но не трус, не надеюсь. Ты говорил, что признаешь за сассанаха любого из тариенов, который использует слова «русский» или «ирландец»

как ругательства.

– А что я сделаю с тем, кого признаю за сассанаха, тебе на ум не приходило?

О’Доннелл вздохнул, очевидно мысленно прощаясь с родственниками, но тут вмешался русский мальчишка.

– Честно сказать, Шон, не то, чтобы Кит использовал слово «русский» как ругательство, скорее он привязывал ругательства к нему. То есть когда ты говоришь «драное-поганое вчерашнее виски, почему же ты так плохо обошлось с моей головой», ты же не используешь слово «виски» как ругательство?

Бойд у Мюриели за спиной хрюкнул. Лиэм заржал и выронил Неда.

– Резонно, маленький умник, – сообщил Шон, поразмыслив, – слово «виски» не может быть бранным!

– Да, кстати, – сказал Бойд, – мы вообще-то в спортзал идем, в пинг-понг порубиться, а Сашка заболел. Пойдешь за него, Горчаков?

– Охотно, – ответил русский, – только сейчас, с ребятами договорю.

Девятиклассники направились к спортзалу, а русский подошел к Киту.

– Ты.. Ты приходи ко мне, ладно? Можно посидеть, позаниматься. Я же понимаю, как обидно, тебе сегодня вообще зря ноль влепили... Я бы на твоём месте тоже взбеленился.

Кит отвернулся и отправился в противоположную сторону. Компания мальчишек двинулась следом. Только Нед – и Мюриель с ним – остались стоять на вытоптанном пятачке у стены. Нед вертел головой, словно пытаясь что-то решить, и наконец, схватив сестру за руку, кинулся вслед старшеклассникам и русскому.

...Крошка Ник запищал в прыгунках, Мюриель отложила вязание и подошла к нему. Уй, ну весь уделался. Надо нести мыть. Она подняла малыша на руки и вдруг почувствовала, как что-то легонечко хрустнуло внутри и по внутренней стороне бедра потекла теплая струйка.

– Ох, – сказала она, – Андрей, милый, позвони миз Кэтлин. Пришел срок твоему второму сыну.

Архив-3. Похищение платинового быка

– Украли?

– Ну, не сам же он ушел!

Глава городской правозащиты деликатно отвернулся. У его непосредственного начальника было не то выражение лица, которое стоит наблюдать подчиненным.

– Кому он, киннат драная, мог понадобиться?

– Список ограничивается лицами, имеющими доступ к грузовым вертолетам, – спокойно сказал коп, – если отвергнуть версию о вмешательстве ши.

– У них грузоподъемность тоже, знаешь, не полутонна, – мрачно ответил мэр, оттягивая пальцем колючий воротник. Через полчаса ему предстояло разбираться с просевшим грузовым причалом. Непромокаемый плащ висел на спинке стула. Свитер снимать мэр поленился и потел.

– Тем более.

– Сколько в городе вертолетов?

– Наши все стояли где положено. На базах тоже проверил. Мэр вздохнул еще раз.

– Что, звонить в Бриан?

– Я думаю, Олег, звони всем, кто ближе шести часов лету. Бык не мотоцикл – погонять и бросить; его со смыслом сперли.

– А ты тогда звони Шимасу. Пусть подъезжает прямо сюда.

Они понимающе переглянулись. Объясняться и привлекать к конфузу мэров ближайших городов – удовольствие ничуть не лучше, чем извещать скульптора.

Они разошлись по разным комнатам и одновременно вытащили из карманов телефоны.

Шимас же еще не ложился.

Он стоял перед окном и смотрел на океан.

Утро приключилось совершенно незаметно, просто фиолетовые от зарниц тучи постепенно потеряли цвет, став свинцово-серыми. По каменной дорожке перед домом клокотал грязный ручей, листья на морских ивах у калитки слиплись. Облачные горы продолжали выкатываться из-за горизонта, поливая город тяжелыми плотными завесами воды. Похоже, первый июньский шторм затянется как минимум на неделю.

Спать хотелось отчаянно, несмотря на распространенное мнение о том, что процесс творчества отбивает сон, голод и прочие естественные потребности. Нет, когда что-то получается, оно так и есть. А когда не получается – все потребности на месте! Просто, чтобы попасть в спальню, надо повернуться в комнату, а там стол, лучше тебя знающий, что за ерунду ты последние сутки городишь. Просто посмотреть-то на него – стыд, а трусливо пройти мимо, к лестнице на второй этаж... Нет, постоим, брудда. Посмотрим

на дождь.

Стол молча смотрел в спину белыми пятнами раскиданных набросков.

Лучшая награда за работу – новая работа. Когда Шимас зачищал первые отливки, оставаясь после работы, он и думать не думал, что дело так далеко пойдет. Красивый даровой материал. Ну, не совсем даровой, но на заводском дворе этой платины было тонн триста. Больше не помещалось. Завод штамповал на экспорт емкости для агрессивных сред. Парсонс, Какаду и Оркнея, где с благородными металлами было потуже, охотно их брали, не брезгуя и сырьем. Скромненько, но все-таки экспорт. Для начала неплохо.

Шимас наловчился лить из платины фигурки, люди их с удовольствием брали, директор завода поставил галочку в графе «самодетельность», а затем, подумав, и в графе «развитие культуры». На этой фазе все было мило и необременительно. Захотел – помаялся с очередной лошадкой, захотел – пошел с Леной на причал, кормить чаек.

И нет, чтобы так все и оставалось.

Бык приснился Шимасу в ночь зимнего равноденствия. От него веяло спокойной, какой-то молочной, лишенной малейшей агрессивности силой. Бык медленно поводил лобастой головой, и помахивал хвостом с кисточкой. Он был белый, словно светящийся, и, хотя вокруг него не расступалась

темнота, Шимас точно знал, что этот бык предполагает собой огромные зеленые луга, серые камни над серым морем и головокружительно высокое небо.

Шимас проходил три дня как пришибленный. Он быстро слепил из пластики фигурку, но при всем внешнем сходстве пластиковый бык нужного эффекта не производил.

Да вообще он был... неправильный.

Лена ворчала, на работе все валилось из рук. Бык больше не снился, но дразнил: в горбатой спине снеговой тучи, в белизне заснеженных холмов, в струях маленького водопада возле дома Лениных родителей. Шимас махнул рукой и начал его рисовать.

– Алло! Валентин Егорыч? Деникин беспокоит. Валентин Егорыч, памятник наш пропал...

Изведя прорву бумаги, Шимас убедился в том, что подозревал с самого начала. На быка надо было смотреть снизу. Ну хорошо, даже если полметра списать на подставку – минимум полтора метра в высоту. Вручную такую отливку уже не сделаешь. И еще всплыл совершенно непонятный за-тык – чем тщательнее Шимас прорисовывал быка, тем менее правильным тот получался. словно ему хотелось оставаться грубым, ремесленным приближением.

– Так я и говорю, Патрик, не в службу, а в дружбу – по-

смотри у себя в хозяйстве. Высаженные досуха аккумуляторы-то не спрячешь. Нет, нет, я сам ничего не понимаю...

Он сидел у Лены и лениво листал нумизматические альбомы ее деда. Фотографии полуторадюймовых монет, увеличенные до размеров листа.

– Кстати, в британском альбоме попадался, – рассеянно сказала Лена, проходя с кухни в чулан, – тоже такой, похожий, как ты все рисуешь.

– Кто?

– Ну, телец такой.

Шимас торопливо засунул в шкаф китайский альбом и вытащил британский.

– Алло? Мистер Деннис еще не подошел? Передайте, пожалуйста, как только появится, что мэр Киннахи его разыскивает...

– Нету, – сказал он, привалившись к косяку, – ничего похожего.

Лена в фартуке, с руками, испачканными мукой, с разрумянившимся от духовки лицом, казалась такой красивой, что бык мигом выскочил из головы.

Она засмеялась.

– Родители говорят, что на свадьбу подарят мне семь декольтированных фартуков, и ты никогда не согласишься

на сторону. Ты так тарачишься на меня, когда я готовлю...
– Это да, – развеселился Шимас, – фартук – лучший эротический костюм, который я знаю. Особенно если под него ничего не надето!

Лена кинула в него яблоком.

– Вот и носи его сам!

Он протискивался к мусорному ведру, чтобы выбросить хвостик, когда Лена спросила:

– А ты оба британских посмотрел?

– Их два, что ли?

– Да, два тома. Англия отдельно, Шотландия, Ирландия, Уэльс – отдельно.

Шимас решительно засунул яблочный хвост в рот и двинулся обратно.

Вот он, родимый. Два пенса. Обратная сторона – традиционная арфа. Про арфу эту Шимас наслушался песен еще в школе. Гм, вон еще на шиллинге не менее знаменитая ирландская беговая лошадь. Красивое животное. К сожалению, не разрешенное к ввозу.

Однако бык. Самец коровы. В принципе, совершенно безмозглая скотина. И таки вынесен на монету. Шимас тихо хмыкнул. Неужто не одному ему снилась по ночам эта зверюга? Логически рассуждая, к картинке должна прилагаться история. А к истории, возможно, и другие картинки. Шимас мысленно поставил отметку в ежедневнике – на выход-

ных добраться до сетевой библиотеки – и захлопнул книгу. Из кухни тянуло такими запахами, которые сломили бы волю самого закоренелого холостяка. Ленины братья уже топтались на лестнице с детского этажа и нетерпеливо приплясывали.

*– Как не берет трубку? То есть ни памятника, ни авто-
ра?*

– Я уже послал двоих ребят к нему домой. Через двадцать минут отзвонятся.

Ну естественно. Та самая животиная, за которую Кухулин положил столько же народу, сколько Иван за Василису Прекрасную. Символ благополучия, плодородия и полнейшего счастья. Родители Шимаса предпочитали более современные сказки, а в садик он почти не ходил, сначала сломал ногу, потом подцепил пневмонию на местном штамме, так до школы и проторчал дома.

Забавно... Самые глубокие вещи всегда происходят из детства. Сказку о быке Шимас слышал в лучшем случае в четыре года, а то и раньше. Бык из Куальгне, значит. Вот почему он должен быть простым. Он очень, очень древний.

Что телефон звонит, Шимас понял, как только тот замолчал. Похоже, что звонили долго. Он отскочил от окна и взбежал на второй этаж.

Милый сонный голос в трубке его почти успокоил.

– Да, Шимас, все в порядке... то есть я не знаю, ты меня разбудил... Ну, конечно, извиняю, мне все равно вставать через полчаса...

Что еще? Старая работа?.. В такую рань на заводе ничего. Сторожа там держать незачем – кому нужны громадные литейные машины, а тем более груды металла во дворе? Родителям на астероиды из дома не позвонишь. Шимас пожал плечами и отправился на кухню. На сон грядущий надо хотя чаю попить.

Как ни удивительно, особых усилий проталкивание бредового проекта не вызвало. Директор завода хищно схватил эскизы и, бормоча что-то на тему «давно пора, уж он-де с такими способностями три года бы не чохался», утащил их в городскую управу. Шимасу выделили литейщика по крупным формам, обоих напрямую подчинили архитектору-градостроителю.

Через четыре месяца на открытие памятника пришло пол-Киннахи и еще куча народу приехало поглазеть из соседних городов. Ленины родители преисполнились гордости, только и пересказывая ахи соседей. Лена краснела и опускала глаза, что было чрезвычайно приятно.

Шимаса вмиг завалили заказами.

И отказаться нельзя... И соглашаться нельзя. Вертикальный разворот брианской ши-чайки вышел неплохо; прыгающая кошка для Кайлиа вроде должна получиться не хуже. Но он чувствовал разницу. Красивые, приятные глазу геральдические животные, каждое со своим смыслом; но не такие... глубокие, что ли... С одной стороны, Шимас гордился тем, что умудрился донести головокружительную, хотя и не пугающую древность быка до любого, кто смотрел на памятник; с другой стороны, он понимал, что вряд ли сможет вторично достигнуть того же уровня.

В окошко кухни забарабанили.

– Шимас Новиков?

Он распахнул окно и высунулся почти по пояс.

– Охрана? Что случилось? Это вы звонили?...

– Мы, – сумрачно подтвердил один из знакомых дружинников, – и уже перепугались. Брать надо трубку, когда дома сидишь!

Мэр сидел на пороге здания и нетвердой рукой набивал трубку. Главный коп прихлебывал из заветной фляжки. Рядом стоял директор порта и внимательно разглядывал бледного Шимаса.

– Нашли! – сказал мэр и побагровел. Все некоторое время с интересом смотрели на него, наконец мэр не удержал авторитета и позорно расхохотался.

Шимас вопросительно нахмурился.

– Валдай. Ироды.

– Что Валдай?

– А где у нас ближайший футбольный чемпионат?

Глава городской правозащиты тихо всхлипывал.

– И теперь Махони предлагает нам отыграть его обратно. А иначе грозит отдать победителю.

Младший коп (кстати, центральной нападающий) подбодчился, но не выдержал и расхохотался тоже.

– Ну, мы им покажем!

Шимас только головой покачал. В конце концов, чем плох этот вариант древней истории? Какой тариен не любит футбол, в конце концов!

– Только послушай, Новиков, – сказал, отсмеявшись, мэр, – надо срочно делать переходящий приз. Не отвоевывать же собственного быка ежегодно?

Архив-4. Неосторожное обращение с мифами

– Ну... Ты меня нашел. Тебе полегчало от этого?

...Нормальный седой мужик, который спокойно выпивал в компании, превратился в клубок нервов, едва я задал ему первый вопрос. Интересно.

– Ой, парень, ты б не доводил Джоша, – вмешался кто-то из компании, – журналистов мы иногда выносим за ноги. И весь паб в суде покажет, что ты буянил и оскорблял нас действием.

– А я не журналист, – мой голос прозвучал тихо, почти жалобно, что меня еще больше смутило, – я историк.

– И какая разница? – сварливо спросил третий.

– Мое дело только собрать информацию. Сенсаций мне не нужно.

– Все так говорят, – мрачно ухмыльнулся человек, в поисках которого я приехал на Север, – а потом я читаю про нас с напарником сказочки. Это все тянется тридцать лет, и я не видел еще, чтобы правда кого-то интересовала.

Попадание!

– Это меня и беспокоит. Наши журналисты заигрались в мифы Старой Земли. Я – человек федеральный, зарплата от тиражей не зависит, так что никуда не тороплюсь. Напишу, что узнаю, и положу в сеть. Время покажет, кто был

прав – главное, получить свидетельство от очевидцев... Пока вы живы. Потому что строителей Кельи Святого Круахана я уже не найду, сами понимаете.

– Ну, дак все же знают, что это сначала была просто шутка? – удивился единственный чисто выбритый из всей компании.

– А про Джоша Мерфи что ВСЕ знают? – ответил я вопросом на вопрос. В это время мне принесли чай.

Бритый пошушукался с Мерфи, потом вся компания, сблизив головы над столом, обсудила что-то (я демонстративно громко прихлебывал, глядя в дно кружки).

– Меняемся, – наконец решился Мерфи, – вот что, историк – с тебя правда про Круахана, с меня – моя правда. Идет?

– Идет, – сказал я и призадумался. Диск с копией дневников Алины Криницыной лежал в общем архиве в рюкзаке, но монитора с собой у меня не было, – если на словах, без документов – пойдет? А то ищите монитор.

Мерфи протянул мне руку.

– Рассказ сейчас, доказательства утром. Заодно посмотрю, что ты про меня напишешь.

– Ничего не напишу, – удивился я, пожимая руку, – Микрофон вот, что наговоришь, то и запишется. Комментировать не мое дело.

– Начинай.

Компания быстро завернула официантку с моим ужином за свой столик, так что, вслед за собственным горшочком

рагу, пришлось пересечь и мне.

– Всем известно, что келья Святого Круахана построенная в честь древнего ирландца, который бросил свою страну и уплыл в утлой лодке заново крестить погрязшую в язычестве Европу. Поскольку ему пришлось бросить свою паству, он взмолился Богу, чтобы тот не оставил его духовных чад, и в его келье каждый день была слышна литургия и неизвестно откуда появлялись Святые Дары, до тех самых пор, пока однажды не послышался жалобный крик и громовой голос не сказал – Святой Круахан отправился в рай, ищите себе нового пастыря. И, стало быть, эта келья по сей день стоит на восточном берегу Ирландии, и в нее паломничают верующие.

– Ну, это-то на Земле, – перебил меня бритый, – обычная кладка из дикого камня, там такие на каждом шагу. У меня мать была на Земле, рассказывала. Ты про нашу!

– Нашу, – сказал я, – ага, как же. Дело в том, что на Земле вплоть до двадцать третьего века слыхом ни слыхивали ни про какого Круахана.

– Как так?

– Ну, разумеется, кельи есть, и во множестве. И, возможно, человек с похожим именем тоже был. Но вообще ВСЯ эта легенда целиком и полностью придумана нами. Земляне народ смысленный – приехали тариены искать келью, им выдали какую-то, одну из наиболее сохранных. И водят экскурсии теперь.

– Сволочи! – буркнул кто-то за столом.

– А что – сволочи? Есть спрос, есть предложение. Но дело не в этом. Дело в том, что само имя – Круахан – взято из литературы начала двадцать первого века, когда был очередной всплеск интереса к мифологии. Морфологически слово, конечно, гэльское, но видоизменено английским языком, и что там лежало в основе, и лежало ли что-нибудь, вообще уже не разберешь. Для нас важно, что кто-то из первопоселенцев привез с собой книгу или фильм, где фигурировал как герой или упоминался в каком-то контексте Святой Круахан.

– А церковь?

– А Ватикан, между прочим, до сих пор Круахана не канонизировал не потому, что они перед колонистами нос задирают. Доказательств существования не хватает. Хотя, конечно, много денег вбухали, искали. Видите ли, фигура святого-путешественника для колонистов очень важна. Вон, Николай Мирликийского расканонизировали двести восемьдесят лет назад, а ничего, народ молится. Так и Круахан наш.

Один из сидящих за столом вытащил из-за пазухи ладанку и обиженно посмотрел на нее. Потом решительно спрятал назад.

– Так вот, – продолжил я, – когда институт истории начал работу по обобщению данных о ранних годах колонизации, мы стали собирать (и сейчас, кстати, большое спасибо говорим, кто отдает хоть откопировать) всякие старые дневники, записки, блоги, фотоархивы – все подряд. И были найдены,

в том числе, записи жены того, кто келью построил.

...Первый склад на Базе А-16 сляпали на скорую руку, но прочно. Поскольку за деревьями пришлось бы тащиться на грузовом флайере минимум час в одну сторону, а покрывать крышу цельной плитой показалось рискованно, две длинные стены вывели сходящимися. Получилась эдакая каменная палатка четыре на десять метров. Убогенько, но до постройки нормальных домов и ангаров можно иметь защиту от дождей. А дожди здесь оказались богаче. Ну чему удивляться, у океана-то. Валентин выключил и поставил на предохранитель резак, когда сверху крикнули, что больше камней не нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.